

§ II АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА

Романовская В.Б., Пужаев В.В.

К ПРОБЛЕМЕ ОБОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ КОМПОНЕНТОВ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: В статье в теоретико-правовом и политико-идеологическом ракурсах исследуется проблема ценностных компонентов, существующих в условиях российской правовой реальности. Выявляются взаимосвязь и взаимообусловленность сферы позитивации правовых ценностей с идеологической сферой функционирования российского государства, анализируемого в контексте сложных социально-политических трансформаций конца XX – начала XXI вв. Учитывая особенности возникновения ценностей в ходе целеполагающего осмысления человеком действительности, авторы прослеживают двойственность в развитии правовой аксиосферы как составной части правовой системы, выражающуюся, с одной стороны, в пространственно-временной предопределяемости конкретного ценностного строя, а с другой – в процессах преемственности и универсализации правовых ценностей. Исследование проблематики ценностей в правовой сфере осуществлено авторами с использованием диалектического метода, позволяющего изучить постигаемый предмет в его развитии и во взаимосвязи его отдельных проявлений. Кроме того, применялись общенаучные методы исследования, такие как исторический метод, анализ и синтез, и частнонаучный сравнительно-правовой метод. Для анализа глубинных свойств российской правовой системы, влияющих на её ценностные нормативы, авторами использовались некоторые возможности культурологического и цивилизационного подходов. В статье выявлены теоретические проблемы правовой аксиологии, препятствующие целостному и непротиворечивому постижению ценностных элементов правовой системы. Обосновано наличие аксиологических составляющих не только на этапе непосредственного правоустановления, но и в рамках всего механизма правового регулирования. Акцентировано внимание на важности учета субъектами, ответственными за правотворческую «констатацию» ценностных доминант отечественной правовой системы, духовно-нравственных, религиозных и иных ценностей, способных в своем гармоничном синтезе выступить мировоззренческими основаниями правовой жизни российского общества.

Ключевые слова: Юридическая аксиология, правовые ценности, правопонимание, духовно-нравственные основания, религиозные ценности, государственная идеология, правовая система, преемственность, универсализация, правотворчество.

Abstract: This article presents the theoretical-legal and political-ideological outlooks upon the problem of the value components existing in the current Russian legal system. The authors reveal the interconnection and interrelation of the sphere of positivism of legal values and ideological sphere of the functionality of Russia, analyzed in the context of complex socio-political transformations of the late XX – early XXI centuries. Taking into account the special aspects of the emergence of values in the course of goal-setting human understanding of reality, the authors trace the duality in the development of the legal axiosphere as a component of the legal system, which on one hand manifests in the space-time predeterminateness of a specific value construct, while on the other – in the processes of continuity and universalization of the legal values. The article reveals the theoretical problems of the legal axiology obstructing the holistic and unambiguous cognition of the value elements of the legal system. This work substantiates the presence of the axiological components not only at the stage of the actual establishment of law, but also within the entire mechanism of legal regulation.

Keywords: Legal system, state ideology, religious values, spiritual-moral bases, law comprehension, legal values, legal axiology, continuity, universalization, lawmaking.

Специфика текущего социально-исторического момента в развитии России, предопределяемая сложным характером и динамичностью происходящих изменений в экономической, политико-правовой, социальной, культурной и иных сферах, в очередной раз ставит перед представителями отечественной научной среды непростые задачи по поиску

и формулированию оптимальных теоретических моделей и программ, которые смогли бы в непротиворечивой форме ответить на имеющиеся вызовы. Особую значимость в данном контексте приобретают ценностные параметры и регулятивы, призванные обеспечить гармоничное упорядочение различных участков общественной жизни, и к которым, в условиях не-

завершенности процессов формирования правового государства, гражданского общества, существенного повышения уровня правовой культуры российских граждан, предъявляются самые высокие требования и оказывается самое пристальное внимание.

Как известно, своеобразный идейный вакуум, образовавшийся в условиях российской действительности «после лишения марксистско-ленинской философской системы статуса единственно верной» [1, с. 3], в 90-х гг. прошлого столетия привел к довольно поспешной и не всегда продуманной ориентации на западные либеральные ценности, многие из которых, как оказалось, будучи привнесенными на российскую почву, не только не дали так ожидаемых от них «спасительных» результатов, но более того, оказались явно чуждыми складывающимся на протяжении столетий в российском государстве политико-правовым, духовно-нравственным и иным традициям, вошли в непреодолимое противоречие с некоторыми самобытными началами российского общественного сознания.

Стремительно отброшенный и оказавшийся неприемлемым для многих «идеологический монизм» советского периода нашей истории, последовавший затем период сложных социально-политических трансформаций, в судьбоносных перипетиях которых ковалась будущая модель отечественного общественно-политического устройства, привел, в конечном итоге, к закономерному провозглашению в Конституции РФ (статья 13) принципа идеологического многообразия в качестве несомненной ценности современного демократического государства, основы конституционного строя и необходимой предпосылки становления подлинно правовой государственности. Однако боязнь возможной реставрации идейного диктата привела к другой крайне негативной точке – установленный *de jure* «плюрализм мнений», *de facto* постепенно превращался в своеобразный идеологический «хаос», в условиях которого проблематичными и нерезультативными оказывались попытки субъектов сформировать свое адекватное отношение к тем или иным явлениям окружающей их действительности. Самоустранение государства из данной сферы на проверку временем оказалось не намного лучше, чем имевшее место тотальное его участие в вопросе постулирования общегосударственных, общенациональных ориентиров и ценностей, «чрезмерной регламентации», касающейся самых различных сфер жизни.

Думается, нет смысла пояснять, что отсутствие в обществе некоего набора ценностных основ, разделяемых большинством граждан и выполняющих

своеобразную функцию консолидации «пестрого» по своему составу социума, находясь в диалектическом взаимодействии с иными разнообразными негативными проявлениями общественного развития и дополняя их, может, в итоге, привести к весьма нежелательным последствиям. Как известно, недостатка в такого рода негативных факторах с самого начала XXI века вовсе не наблюдается. Здесь следует указать и на всевозможные «неоднозначные» последствия стремительно протекающего процесса глобализации и интернационализации международной хозяйственной жизни, проблему так называемой «полнотности» или «архитектуры» современного миропорядка и межгосударственных отношений, выражающуюся, в том числе, в непропорциональном характере влияния некоторых акторов на политико-правовую действительность. Это и нестабильность государственно-правовых институтов в самых различных уголках нашей планеты, вызванная во многом неурегулированностью межнациональных, территориальных и иных споров, сюда же относятся и риски возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и многое другое.

В этой связи отрадно заметить, что проявившееся к настоящему времени осознание властными структурами российского государства всей пагубности подобного положения дел, а также многолетние усилия научной общественности в направлении актуализации отмеченной проблематики [2; 3; 4; 5], заметно поспособствовали её возвращению на передовые рубежи научно-теоретического и практико-прикладного анализа, в очередной раз подтвердив непреходящий характер и значимость ценностных, духовно-нравственных оснований в деле поступательно-эволюционного развития всего общества и государства, квинтэссенцией которого можно считать достижение наиболее оптимальной формы взаимосогласованности личных, общественных и государственных интересов. Однако в плане практической реализации указанных благих намерений мы, следует все же признать, находимся лишь в начале длительного и непростого пути.

В подтверждение всего вышесказанного приведем некоторые выдержки из выступления Президента России В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», на котором он особо подчеркнул, что «после 1991 года была иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе. Государство, власть, интеллектуальный и политический класс практически самоустранились от этой работы, тем более, что прежняя официальная идеология оставляла тяжелую оскомину. ... Практика

показала, что новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам. Самоустроение государства, общества не сработало, так же как и механическое копирование чужого опыта. ... национальная идея не может быть навязана сверху, не может быть построена на основе идеологической монополии. ... Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм» [6].

В сфере же юридической доктрины все чаще встречаем аналогичные позиции исследователей. Так, профессор Радько Т.Н., обосновывая существование идеологической функции права, отмечает, что соглашаясь с оценкой о «чрезмерности идеологизации советского периода в нашей истории, нельзя впадать в другую крайность – отрицать значение идеологии для права вообще, нельзя не видеть ничего позитивного в том периоде российской истории и умышленно девальвировать многие ценности, сформировавшиеся тогда ...», «в настоящее время российское общество не имеет четких идеологических ориентиров, оно социально аморфно». Такое состояние, по мнению ученого, является результатом фактического прекращения осуществления государством идеологической функции с одновременным проникновением в российскую среду ценностей, постулированных в иной духовной и политико-правовой культуре [7, с. 11-12], [8, с. 23-27].

Осуществленный экскурс, если продолжить соответствующую логику наших рассуждений, способен привести к закономерному выводу о тесной взаимосвязи и сопряженности сферы формального закрепления правовых ценностей с идеологической сферой функционирования государства, в которой ценностная составляющая выступает в качестве ключевой доминанты. Поэтому вполне очевидно, что концептуальное звучание представленных выше суждений проявится еще более «яркими красками» и обрстет новыми нюансами, если мы обратим свой взор к той области общественной жизни, которая связана с действием (в широком смысле) права, как важнейшего социального регулятора общественных отношений, то есть к правовой сфере.

Вопросы о правовых ценностях, их природе, признаках и функциональности, а также рассмотрение самого «бытия» права в качестве исходного ценностного начала и норматива, лимитирующего деятельность активностей субъектов, на сегодняшний день, пожалуй, следует признать одним из наиболее востребованных и перспективных векторов научных исследований,

явственно проступающих в труднообозримом проблемном поле современной юридической науки.

Совсем необязательно быть последовательным сторонником релятивистских воззрений на понятие и сущностную природу правовых ценностей, чтобы осознать один неоспоримый факт: любая историческая эпоха формирует свой уникальный соционормативный, культурно-психологический и т.п. фон, «контекст», в котором существуют / сосуществуют и, взаимодействуя с проявлениями которого, раскрываются разнообразные явления правовой действительности.

Кроме того, каждому типу цивилизации присущи свои определенные доминанты духовности, некоторая «непохожесть» культуры юридического мышления, сообщающие специфику всему конкретному содержанию жизни, в том числе и сфере права. Вообще, сама правовая культура, как некая совокупность связанных друг с другом регулятивов и правовых ценностей, на которых выстраивается реальный правопорядок в конкретном обществе, оказывается скрепленной с более общей системой ценностей данного типа цивилизации [9, с. 62, 65]. Так, например, если для западного общества важнейшими проявлениями ментальности выступает ориентализм на идеи свободы, гражданского общества, естественных прав человека, то культурное многообразие стран Востока (Индия, Китай и др.), в общих чертах, может быть обрисовано с использованием таких характеристик, как: мистицизм, иррационализм, широкая ритуализированность и моральная составляющая.

Затрагивая вопрос об исторически выявляемых особенностях российской ментальности и правовой культуры, предопределяющей специфику аксиосферы отечественной правовой системы, заметим: своеобразие первой состоит в сочетании религиозных и этических начал, в ориентации на абсолютные, идеальные ценности. Видимо, поэтому российское правопонимание практически никогда не стремилось поставить во главу угла исключительно права и свободы личности, делая акцент на единстве прав и обязанностей, на нравственно-религиозных началах права [9, с. 62-63].

С другой стороны, многие исследователи считают, что ярко выраженный синкретизм и этикоцентризм отечественного правопонимания во многих случаях приводил к обоснованию малозначимости и регулятивной недостаточности ценностей формального права, и это объективно служило и служит внутрикультурным фактором девальвации правовых ценностей в личном и общественном сознании и распространения нигилистического отношения к правовым предписаниям [10, с. 10]. Действительно, слабое понимание значимости право-

вых начал для социального бытия характеризовало практически всю русскую общественную мысль вплоть до середины XIX века. Пренебрежительное отношение к праву и государственному закону, отраженное в многочисленных русских поговорках и пословицах, уходит своими корнями в глубокое средневековье, в русскую православную традицию, внушавшую идею обязанности и преобладания религиозного, духовного над мирским [11, с. 166-167].

Вместе с тем, указанные последствия более всего возможны при диспропорциональном взгляде на соотношение права, как обеспеченных принудительной силой внешне объективированных норм-правил поведения, и иных регулятивных средств (морали, религии и т.д.), когда вместо построения гармоничной системы, основанной на включенности нравственно-религиозных норм и ценностей в сферу обоснования права и его оценки, провозглашается их полностью автономный и даже конфронтационный характер, а диссоциативная направленность таких утверждений выражается в установлении абсолютного (взятого в отрыве от природы регулируемых отношений) доминирования какой-либо из названных регулятивных систем. Признавая со своей стороны нравственно обусловленный характер права, речь, тем не менее, не идет о каком бы то ни было размывании пределов собственно правового регулирования. Мы лишь считаем, что правильная оценка всего многообразия правовых явлений невозможна только посредством обращения к догме права, необходим учет системы духовно-нравственных и религиозных ценностей и идеалов в их взаимосвязи со сферой «бытия» права. Не случайно, видный болгарский ученый Н.Неновски в свое время писал, что «ценностный подход к праву в конечном итоге выводит нас за строгие очертания самого права», «оценка правовых институтов и права в конце концов делается с помощью неправовых критериев» [12, с. 7]. Это становится особенно наглядным в периоды переживаемого обществом кризиса, когда масштабность утраты имевшихся ранее ценностных, культурных ориентиров, достигает своего апогея, теряются действенные критерии оценки, способные воспрепятствовать массовому установлению формально соответствующих неким требованиям правовых норм, однако по содержанию являющихся выражением простого произвола, узколичных интересов определенных индивидов и групп.

Вследствие всего вышеперечисленного, можно сделать несколько отвлеченный вывод: рассматриваемое в контексте некоторых пространственно-временных рамок, право всегда будет представлять собой достаточно уникальный феномен, определенным образом выражен-

ное средоточие некоторых аксиологических моментов, системные очертания которых будут варьироваться в зависимости от границ локализации правовой системы.

В то же время, справедливо признавая очевидную изменчивость разнообразных «внешних форм» позитивации правовых ценностей и их ситуативно-обусловленный характер (исторический эволюционизм или деэволюционизм ценностей), было бы весьма наивным не замечать наличия обратных процессов (преемственности), выражающихся в сохранении базовых, непреходящих ценностных параметров права, пусть и в несколько преобразованном виде. Не случайно, обратившись к истории мировой политико-правовой мысли, без труда можно обнаружить направленность усилий многих выдающихся ученых на поиски (довольно часто именно с аксиологических позиций) инвариантных моделей и констант развития основополагающих государственно-правовых явлений, которые бы сохраняли свою сущностную стройность и целостность в изменчивых условиях окружающей их правовой среды.

Кроме того, современная эпоха привнесла в правовую сферу новые тенденции, новые направления развития, выразившиеся в процессах универсализации многих ценностных нормативов, исторически определявших специфику национальных правовых систем. Стирая различия, унифицируя различные стороны общественной жизни, глобализация не могла обойти стороной и «мир правовых ценностей» того или иного государства. Отсюда – сложнейший «виток» противоречий, вызванных противопоставлением не согласующихся между собой ценностей, но получивших свое формальное закрепление в законодательстве различных стран. Вспомнить хотя бы имевшее место в 2010 году и получившее широкий резонанс в юридических кругах своеобразное «столкновение» правовых позиций Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ по делу К. Маркина, связанное во многом с проблемой интерпретации ценностных оснований европейской и российской общественных систем [13].

В целом же, ретроспективный взгляд на рассматриваемую проблему в общемировом масштабе позволяет согласиться с мнением профессора Бабенко А.Н., отмечающего тот факт, что критерии обособления и обоснования ценностных правовых компонентов «в развитии человеческой цивилизации претерпевают изменения в диапазоне от приоритета целостности и единства общества до значения и свободы личности. Постепенно формируется новая методологическая база, которая делает актуальной концепцию конструктивной

аксиологии, исключаяющей и крайний индивидуализм, и крайний коллективизм» [2, с. 103]. Аналогичные тенденции, можно легко убедиться, характерны и для политико-правового развития России.

В качестве небольшого отступления заметим, что сама по себе идея построения модели общественно-политического развития, которая была бы свободна от очевидных недостатков индивидуалистических и коллективистских доктрин, вовсе не нова и имеет весьма долгую историю своего развития в контексте различных научных школ. Достаточно вспомнить возникшее в начале XX века в Западной Европе направление политико-правовой мысли, центральным элементом которого выступало учение о социальной солидарности (теория правового солидаризма), которое, по известным причинам, впоследствии оказалось существенно скомпрометированным, будучи в некоторых своих положениях адаптировано к тоталитарным проявлениям европейской политико-правовой жизни первой половины XX века. На сегодняшний день идея солидарности общества вновь оказывается в фокусе пристального внимания современных исследователей, с учетом исторического опыта и современных реалий пытающихся придать ей новое звучание и непротиворечивую интерпретацию [14, с. 9-38].

В более подробном варианте процесс историко-правовой эволюции ценностей был показан О.В. Мартышиным, предложившим следующий их перечень, исходя из того, что не все они признавались одновременно, а некоторые периодически сменяли друг друга: «сохранение извечного и разумного порядка, установленного высшими силами; справедливость; добродетель; благополучие; безопасность; равенство; свобода; общее благо; благо личности; национальный интерес; классовый интерес; демократия; солидарность; полезность; прогресс и др.» [12, с. 7]. Нетрудно заметить, что многие из указанных ценностей сохраняют свою актуальность и в современных условиях, и не замыкаясь в узких национально-государственных рамках, закрепляются также на международном уровне в базовых правовых документах. Россия, будучи неотъемлемой частью международного сообщества государств, является активной участницей большинства таких основополагающих международно-правовых актов, оказываясь, таким образом, приобщенной к тем несомненным универсальным правовым ценностям, к провозглашению которых на протяжении всей своей непростой истории шло человечество.

Вместе с тем, с сожалением приходится констатировать, что в теоретическом плане (а в отношении

такой деликатной материи, как ценности, теория и практика, надо признать, имеют самую что ни на есть теснейшую связь) ученым так и не удалось выработать единообразных представлений по многим ключевым проблемам юридической аксиологии. Не имеет своего однозначного решения даже вопрос относительно природы правовых ценностей и их соотношения с системой ценностей социальных. Многим известна позиция профессора Нерсисянца В.С., утверждавшего, что в праве и государстве не применяются какие-либо всеобщие ценности философско-этического значения, а вовсе наоборот, в государственно-правовой сфере конституируются собственные ценности, которые будучи обоснованы в праве, получают признание и начинают использоваться в других областях общественной жизни [15, с. 28 и др.]. Большинство же как российских, так и зарубежных исследователей объявляют в качестве правовых общечеловеческие ценности (справедливость, равенство, свобода и т.п.), делая при этом оговорку, что они становятся таковыми только в контексте преломления в правовой сфере.

С уверенностью можно заявить, что сам механизм формирования ценностей, в том числе правовых, будучи до сих пор не выясненным во всей своей окончательной полноте, по-прежнему привязывается к «парадигме» той или иной исследовательской установки, используемой для анализа. В таком случае из сферы внимания ученого попросту ускользают некоторые весьма важные грани постигаемого предмета исследования. Вполне справедливы в этом отношении возражения тех авторов, которые настаивают на важности применения плюралистической методологии, оптимальным образом подходящей для познания сложных закономерностей генезиса ценностей.

Не получила в российской науке своего универсального решения и проблема системного выражения и обоснования либо опровержения иерархии правовых ценностей, даже несмотря на её существенную практическую значимость. В современной юридической литературе можно встретить совершенно полярные мнения исследователей, заключающиеся как в обосновании принципа иерархичности правовых ценностей и предложении авторских моделей их градации (например, путем привязки к базовым отраслям российского права и др.) [16, с. 24], так и во всяческом отрицании стратификационного характера таких ценностей, невозможности в силу присущей им абсолютности вычленивать более либо менее значимые их разновидности [17, с. 101]. Представляется, что правовые ценности все же имеют свою иерархичным образом выстроенную систему, которая, опять-таки,

связана и обусловлена множеством факторов как объективного, так и субъективного порядка, анализ которых, в силу своей обширности, должен составить предмет отдельного научного исследования.

В завершение наших рассуждений следует вспомнить слова известного дореволюционного правоведа Демченко Г.В., в одной из своих работ писавшего: «нам, юристам, всегда необходимо помнить, что за сухим формализмом правовых норм скрывается живая сила, с которой нужно обращаться бережно и с помощью которой можно многого достигнуть в беспредельном движении человечества на пути к осуществлению идеала» [18, с. 15]. Представляется, что подобная «живая сила» не в последнюю очередь воплощается и получает свое наиболее значимое зримое отражение именно в ценностном «аппарате» современного права, выступающего в качестве его своеобразной смыслообразующей и смыслосозидающей основы. Задача же законодателей в таком случае видится в своевременном и социально обусловленном обнаружении и последующей нормативной фиксации таких ценностей, в выстраивании их в виде целостной, органичной и согласованной системы, которая, с одной стороны, обеспечивала бы наиболее полное и свободное развитие каждой конкретной личности, но вместе с тем, непременно бы вела к упрочению жизнеспособности всего социального целого. При этом особенно важной видится также необходимость учета и конструктивного использования лицами, ответственными за правотворческую «констатацию» ценностных доминант отечественной правовой системы, духовно-нравственных, религиозно-правовых и иных ценностей,

способных в своем гармоничном синтезе выступить мировоззренческими основаниями правовой жизни российского общества.

Однако наивным было бы полагать, что ценностная компонента может быть вычленена только на этапе непосредственно правоустановления. Такое поверхностное суждение есть не что иное, как своеобразный редукционизм, значительно упрощающий действительность и не учитывающий всех обстоятельств. На самом деле, аксиологическая составляющая красной нитью проходит через весь механизм правового регулирования, она является его имманентной частью. Вместе с тем, в современной научной литературе имеются противоположные и в определенной степени справедливые точки зрения об опасности включения ценностной составляющей (в качестве самодовлеющей «силы») в правоприменительную деятельность судов, которые в обязательном порядке должны ориентироваться на рационально-логическое обоснование принимаемых ими решений, а отнюдь не на ценностные характеристики [13, с. 140-150]. В любом случае, не вызывает каких-либо сомнений, что без эффективной правореализации и эффективной правоприменительной деятельности компетентных органов, предполагающих, в свою очередь, использование соответствующего обеспечительного механизма юридических гарантий такой деятельности, любые законодательные положения имеют все шансы стать очередной пустой и декларативной абстракцией, не получившей своего должного приложения к реалиям общественной жизни и в силу этого не имеющей никакой практической значимости.

Библиография:

1. Романовская В.Б., Крымов А.В. Евразийская доктрина государства и права: Монография. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2010.
2. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
3. Романовская В.Б., Жданов П.С. К проблеме ценностного содержания современного права // Российская юстиция. 2011. №6.
4. Скворцова Ю.В. Теоретические основы модернизации правовой системы Российской Федерации // Право и политика. 2010. №3.
5. Толпегин П.В., Максимов Д.А. Общество и государство в России: пути развития в XXI веке // Право и политика. 2008. №12.
6. Стенограмма выступления В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года // <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>. (дата обращения: 20.03.2015).
7. Радько Т.Н. Государственная идеология и идеологическая функция права // Вестник Академии права и управления. 2012. №29.
8. Хорунжий С.Н. Доктринальные аспекты правовой среды: Монография. Воронеж: Научная книга, 2014.
9. Михайлов С.В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.
10. Пшидаток В.Е. Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в современной России: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.
11. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. №1.
12. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. №10.
13. Белов С.А. Ценностное обоснование решений как проявление судебного активизма Конституционного Суда РФ // Сравнительно конституционное обозрение. 2012. №2.

14. Рыбаков О.Ю. Стратегия права: в поисках гармонии личности и государства // Стратегии правового развития России: монография / коллектив авторов. Под ред. О.Ю. Рыбакова. 2-е изд., стер. М.: Юстиция, 2015.
15. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998.
16. Лановая Г.М. Базовые ценности современного права // История государства и права. 2014. №20.
17. Сидорова Е.В. Проблемы методологии исследования правовых ценностей // Государство и право. 2012. №7.
18. Демченко Г.В. Идея права с точки зрения категорий возможности, необходимости и долженствования // Университетские известия. 1908. №3.
19. Д. И. Луковская, А. А. Соловьев Правовая система: деятельностно-интегративный подход // Право и политика. – 2011. – 10. – С. 1612 – 1618.

References (transliterated):

1. Romanovskaya V.B., Krymov A.V. Evraziiskaya doktrina gosudarstva i prava: Monografiya. N.Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2010.
2. Babenko A.N. Pravovye tsennosti i osvoenie ikh lichnost'yu: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2002.
3. Romanovskaya V.B., Zhdanov P.S. K probleme tsennostnogo sodержaniya sovremennogo prava // Rossiiskaya yustitsiya. 2011. №6.
4. Skvortsova Yu.V. Teoreticheskie osnovy modernizatsii pravovoi sistemy Rossiiskoi Federatsii // Pravo i politika. 2010. №3.
5. Tolpegin P.V., Maksimov D.A. Obshchestvo i gosudarstvo v Rossii: puti razvitiya v XXI veke // Pravo i politika. 2008. №12.
6. Rad'ko T.N. Gosudarstvennaya ideologiya i ideologicheskaya funktsiya prava // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2012. №29.
7. Khorunzhii S.N. Doktrinal'nye aspekty pravovoi sredy: Monografiya. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2014.
8. Mikhailov S.V. Pravovye tsennosti: teoretiko-pravovoi aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2011.
9. Pshidatok V.E. Transformatsiya pravosoznaniya i pravovykh tsennostei v usloviyakh stanovleniya demokratii i grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii: avtoref. ... dis. kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2007.
10. Romanovskaya V.B. Dukhovnost' i pravosoznanie (sootnoshenie fenomenov) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo. 2001. №1.
11. Martyshin O.V. Problema tsennostei v teorii gosudarstva i prava // Gosudarstvo i pravo. 2004. №10.
12. Belov S.A. Tsennostnoe obosnovanie reshenii kak proyavlenie sudebnogo aktivizma Konstitutsionno Suda RF // Sravnitel'no konstitutsionnoe obozrenie. 2012. №2.
13. Rybakov O.Yu. Strategiya prava: v poiskakh harmonii lichnosti i gosudarstva // Strategii pravovogo razvitiya Rossii: monografiya / kollektiv avtorov. Pod red. O.Yu. Rybakova. 2-е изд., стер. М.: Yustitsiya, 2015.
14. Nersesyants V.S. Filosofiya prava. M., 1998.
15. Lanovaya G.M. Bazovye tsennosti sovremennogo prava // Istoriya gosudarstva i prava. 2014. №20.
16. Sidorova E.V. Problemy metodologii issledovaniya pravovykh tsennostei // Gosudarstvo i pravo. 2012. №7.
17. Demchenko G.V. Ideya prava s tochki zreniya kategorii vozmozhnosti, neobkhodimosti i dolzhenstvovaniya // Universitetskie izvestiya. 1908. №3.
18. Д. И. Луковская, А. А. Соловьев Правовая система: деятельностно-интегративный подход // Право и политика. – 2011. – 10. – С. 1612 – 1618.